

**О «КОЧЕВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ» И «КОЧЕВОЙ ИМПЕРИИ»
СТАТЬЯ ВТОРАЯ: «КОЧЕВАЯ ИМПЕРИЯ»***

В статье представлен анализ понятия «кочевая империя» и ряда ее признаков. Кроме того, автор делает попытку определить ее место не только в этнополитической, но и культурной истории Евразии. Кочевые империи рассматриваются как восточно-азиатский феномен и признак наивысшего этапа развития кочевой цивилизации.

Ключевые слова: цивилизация, империя, кочевая цивилизация, кочевая империя, парадигма.

Особым вариантом цивилизационного геополитического «ядра» являются империи¹, которые воспринимаются как центр «*orbis terrarum*». Империя – это не просто форма государства, а особая его стадия, для которой характерно наличие преимущественно аграрной экономики («феодализм»). Именно в Средние века имперская идея переживает свой золотой век, поскольку только в этот период существуют те факторы, которые обусловили существование такого рода государства (слаборазвитая экономика, решающая роль земледелия или скотоводства, особое значение насилия как второго после аграрных отношений «средства» решения экономических и социальных проблем; пестрота экономик, языков, культур; необходимость сопротивления культурному и военному натиску извне, четкое оформление цивилизационного ареала). Империя здесь – алгоритм оформления цивилизации и ее апогей, а также механизм сопротивления военному и культурному натиску извне.

Кочевники занимают особое место в процессах политогенеза, что побудило даже поставить вопрос о том, можно ли кочевые образования считать государствами? Способны ли они были подняться до уровня такой сложной системы, как империя? Поскольку в понимании кочевников главное в империи – ее политическая составляющая, вертикаль власти, это дало основание многим исследователям говорить о существовании у кочевников особой формы империи – кочевой². Вероятно, впервые в отечественной литературе понятие «кочевая империя» было введено в оборот М. Н. Суворцовым [2007]. Как строго научный термин в рамках своей типологии кочевых образований его применила С. А. Плетнева [1982. С. 40–72].

Эта дефиниция уже не раз становилась предметом полемики³. Насколько имеет право на существование сам термин «кочевая империя» и как его трактовать? Может ли эта империя считаться государством? По этому поводу высказывалось множество

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ – МинОКН (проект № 07-01-92002а/Г «Кочевые империи монгольских степей: от хунну до державы Чингисхана»). Эта статья является заключительной в серии работ, связанных с данной тематикой: [Пиков, 2000; 2009а; 2009б].

¹ См. подробнее: [Пиков, 2000].

² Сами названия «кочевая империя», «империя завоевания» есть в то же время результат гиперболизации таких факторов в истории кочевников, как милитаризация, внешняя экспансия, воинственный дух и пр. и противопоставления их в этой связи оседлым народам. Это не просто неверно, но обидно и вряд ли применимо к многочисленным народам Азии и Африки, в конечном итоге почти к половине тогдашнего человечества.

³ Узкие рамки статьи не позволяют привести полностью всю накопившуюся огромную литературу по этой тематике, и потому в списке литературы указываются только те работы, которые имеют особое методологическое значение.

самых разнообразных мнений, и, вероятно, все они должны быть так или иначе учтены, в том числе: климатические изменения (усыхание степей, по А. Тойнби и Г. Е. Грумм-Гржимайло, увлажнение, по Л. Н. Гумилеву), «комплекс Марса» – бога войны в менталитете кочевников, перенаселенность степи, усложнение социальных процессов, ослабление земледельческих обществ (феодалная раздробленность), уменьшение их заинтересованности в торговле с номадами, появление у кочевников харизматических фигур, пассионарность (по Л. Н. Гумилеву) и др. Но, вероятно, прежде всего, нужно учитывать то, что любая цивилизация есть не уровень развития общества, а сложное и противоречивое движение, а имперские конструкции в любой цивилизации возникают на стадии ее максимального развития.

Задача любой «империи» – и кочевники здесь не исключение – не завоевания, а максимально упорядоченное структурирование определенного пространства⁴, для которого характерна пестрота и иерархия различных «лоскутков» – экономик (кочевой в разной степени развитости у монголоязычных и тюркоязычных племен и оседлой у различных подчиненных народов), языков, культур. Эти «лоскутки» «сшивались» в пестротканое полотно империи, и «коммунальная квартира» постепенно превращалась в единую «семью» [Пиков, 2000]. Шло это в виде разрушения локальных социально-экономических и политических организмов и медленного складывания региональной системы [Пиков, 2002а. С. 194–195]. Ни одна известная в истории империя не проводила сколько-нибудь масштабных завоеваний, а в большей мере оборонялась.

Функции любой империи, в том числе кочевой, помимо этого: организация регулярности общерегиональных торговых и культурных связей, продукто- и товарообмена, совместной обороны, совместной экспансии, единой религиозно-культурной системы, способной противостоять вызову

⁴ Здесь есть смысл акцентировать внимание на двух интересных точках зрения. По мнению Е. И. Кычанова, государства кочевников возникали в результате процессов имущественного и классового расслоения в самом кочевом обществе [Кычанов, 1997. С. 3]. Как считает Н. Ди Космо, изначальной предпосылкой создания степной империи является структурный кризис внутри общества номадов, который дополняется сложной внешнеполитической ситуацией [Di Cosmo, 2002. P. 167–186].

(вызовам) извне и изнутри, единого идеологического пространства, распространение единого, универсального образца, в конечном итоге, объединение региона и упрочение этого территориального объединения, ибо «империя» – механизм организации пространства в борьбе с многочисленными врагами (внешними и внутренними), сохранение традиций, выработка универсального права и др.

Отсюда для кочевой империи во многом характерны те же признаки, которые можно найти и у империй земледельческих:

- определенность («замкнутость») региона, основанная на этнокультурной близости, политико-экономической целесообразности, близости или идентичности социального развития;

- недостаток свободных земель;
- сложноразвивающаяся экономика с обязательным присутствием земледелия;

- сложившиеся экономические связи;
- монархическая форма правления;

- сакрализация власти правителя, который являлся наместником Неба на Земле и обладал правом на управление всем миром и даже правом «творить свой миропорядок», покорять соседние народы [Пиков, 2002а. С. 192–194];

- из-за кочевого скотоводства ограничение вариативности государственных конструкций и их завязанность на вождя;

- «номинальность» центральной власти, которая выступает регулятором отношений многочисленных социальных и этнических прослоек;

- большая роль династического фактора в истории государства и этнополитическая интеграция в форме династического государства;

- наличие иерархии этнических и социальных групп;

- «этажность» общества, многоступенчатая социальная структура с резкими полюсами;

- многоуровневая социальная организация, где низшие звенья основаны на узах кровного родства, а высшие – на военно-административных связях и фиктивном генеалогическом родстве⁵;

⁵ Показательна в этом плане характеристика Н. Н. Крадиным империи Хунну: «На самом деле Хуннская империя была в сущности “племенной империей”, в которой новые военно-иерархические отношения не только не сменили сложную систему кла-

- использование традиции в качестве регулирующего фактора;
- особая роль насилия⁶;
- единое универсальное право;
- акцент в нем на поземельных отношениях;
- жесткие законы;
- достаточно развитая пенитенциарная система;
- развитая система управления, связанная с военными и административными функциями. Она сочеталась с типичной феодально-кочевой практикой управления;
- иерархическая система государственных чиновников, дополняемая традицией передачи должности по наследству;
- переход от дуального (крылья) к триадному (центр – крылья) принципу административного деления (существование нескольких столиц во главе с Верховной, что отражало концепцию «одного ствола и множества ветвей»);
- бифецизм власти: «соправление» родов (в Ляо – Елюй и Сяо);
- акцент на экономике во внешней политике – на получении прибавочного продукта за счет грабежа, контрибуций, военной добычи, дани, «подарков», транзитного торгового обмена, неэквивалентной торговли;
- особая роль дипломатии;

ново-племенной генеологии номадов, а сосуществовали и переплетались с ней» [(Крадин, 2002а. С. 192].

⁶ Менталитету центрально-азиатских кочевников часто приписывали особую страсть к убийствам. Кочевые завоевания всегда, начиная с глубокой древности, воспринимались как крупномасштабные катастрофы и в прошедшем столетии стали считаться одним из факторов, обусловившим так называемое «отставание» Востока от Запада. Не стоит, однако, забывать, что историческая наука как инструмент идеологии или, наоборот, как максимально деидеологизированная номенклатура понятий и методов сформировалась в оседлом мире и принять до конца видение кочевников на исторические события и процессы все еще не способна. Бандитизм же – явление в некотором роде нововременное, и есть смысл отличать его от средневекового разбоя. В Средние века разбой и грабеж были нормальным явлением во внешней сфере, но внутри государства это рассматривалось как незаконное деяние. Бандитами считались лишь те, кто нарушал юридическую договоренность или традиции. Только в Новое время, когда наблюдается своеобразное противостояние власти, бизнеса и криминала, возникает само понятие бандитизма как универсальное, не связанное ни с какими этническими или политическими границами. И именно тогда под него, прежде всего, подпадают кочевники, но отнюдь не представители иных цивилизаций.

- регулярная армия, дополняемая отрядами отдельных феодалов. В кочевых империях, пожалуй, впервые в средние века появилась постоянная армия (кидании, чжурчжэни, монголы). При Ляо она была объявлена «оплотом государства»;
- незначительная роль внутренних форм эксплуатации, в том числе рабства;
- большое развитие внешнеэксплуаторских отношений, данничества;
- единое летоисчисление;
- единая картина истории;
- синкретическая «имперская» культура, в которой «материнская» (киданьская, чжурчжэньская, монгольская) культура используется небывало активно, но искусственно, т. е. фактически осуществляется своеобразное «возрождение» «сверху», которое носит служебный характер;
- медленное складывание синкретической религиозной системы;
- амбивалентность («двуличность») сознания;
- общегосударственная письменность и наличие «искусственного» языка и др.

Классическая модель империи, известная по истории земледельческих районов, в Степи невозможна, хотя сама по себе имперская конструкция была необходима. Естественно, что, создавая ее, кочевники делали акцент на вертикали власти, и одно это обстоятельство само по себе стимулировало превышение необходимой дозы милитаризации страны. Для кочевников милитаризм необходим уже потому, что их государство не может отгородиться от остальных варваров «китайскими стенами» и вынуждено постоянно держать наготове огромные армии, которые нужны и для акций против оседлых районов.

Одним из камней преткновения здесь видится уникальность кочевой цивилизации, которую до сих пор часто рассматривают через призму европоцентризма. Мало того, что европейская цивилизационная модель предельно самобытна и нельзя ее институты искать в других «мирах», в том числе и оседлых, но и сама постановка вопроса о том, могут ли кочевники создавать свое государство или нет, отдает пренебрежением к ним, укоренившимся представлением о том, что государство возможно лишь у оседлых народов, что наличие государственности à la Еуропа – обязательный критерий развитости общества, что эволюционизм есть

прямолинейное восхождение по ступенькам «наверх», что векторно развивается все органическое.

«Кочевой» империей нельзя считать любое государственное образование, в создании которого принимали участие кочевники. Такое представление достаточно широко распространено не только в науке двух прошлых веков, но и в настоящее время. Так, например, кочевыми империями называют государства, созданные тюрками на Среднем Востоке и в Малой Азии. Скорее можно говорить о попытках кочевников контролировать те или иные оседлые области. С таким же успехом можно было бы тогда говорить о том, что древняя Русь, в развитии которой принимали активное участие выходцы из Скандинавии, является скандинавским государством. В данном случае под «кочевой империей» понимается такое государственное образование, центр которого находится в степной зоне, хотя со временем в него и входят те или иные оседлые районы. Оно есть результат не захвата, а тех внутренних процессов, которые шли именно в кочевой зоне.

Кочевой империей нельзя считать любое крупное государственное объединение, созданное непосредственно кочевниками. Хотя в каждом государственном образовании в средние века, что у оседлых народов, что у кочевых, присутствует имперская идея, классическими кочевыми империями можно назвать державы Хунну, Ляо, Цзинь, Юань. Традиционно считается, что одним из главных признаков любой империи является обширность территории, между тем эта территория всегда ограничена географическими объектами (море, пустыня, горы) или другими государственными образованиями, и для нее характерна этнокультурная и политико-экономическая близость входящих в нее зон (подробнее см.: [Пиков, 2000. С. 107–108]). Разумеется, империя – государственное образование, выходящее за пределы узкоэтнического или традиционно-государственного пространства, но быть беспредельной она не может и возможности объединять всю цивилизационную зону никогда нет⁷, а это означает, что внутри нее может быть в определенный исторический

момент только одна империя, на руинах которой впоследствии возникает новая конструкция⁸. Как социокультурная модель империя весьма эффективна, о чем свидетельствует длительность ее существования: государственность Хунну так или иначе просуществовала с III в. до н. э. по V в. н. э.⁹, империя Ляо (907–1125) – около 200 лет, империя Цзинь (1125–1234) – чуть больше 100, империя Юань (начало XIII в. – 1368) – около полутора столетий.

На эволюцию и длительность имперской традиции повлияла и геополитическая история Евразии. «Рубеж эр» не случайно практически во всей Евразии стал знаковой вехой. Уже в первом веке начинается так называемое Великое переселение народов (I–VII вв.), результатом которого стало окончательное складывание новой цивилизационной и этнополитической карты. Этот процесс смог решить многие геополитические и макроэкономические проблемы, вставшие перед прежним миром. Он же прервал фактически не только существование первой «кочевой империи» Хунну¹⁰, но и повлиял на дальнейшую тенденцию к образованию империй у кочевников. Империя Хунну возникла в восточной части имперской зоны¹¹ и объединяла в основном тюркоязычные племена [Ramstedt, 1937. P. 81–91; Ligeti, 1950. P. 141–149; Гумилев, 1990. С. 48–49]. Обитавшие восточнее прото-монгольские [Викторова, 1965. С. 707–708;

⁸ Учитывая цикличность политических процессов в Центральной Азии, распад одной кочевой империи, как правило, становился началом истории другой [Барфильд, 2002. С. 80–81; Васютин, 2002. С. 91–94; Кляшторный, Савинов, 1994. С. 76–83].

⁹ Уже одно это говорит, что кочевые государства стали возникать практически одновременно с оседлыми. В Степи новый этап наступает с конца III в. до н. э. – усиливается мобильность населения, складывается новая военная система, новая политическая ситуация, в которой основными силами становятся не скифы, саки и другие народы скифо-сибирского мира, а хунны и сарматы.

¹⁰ Хунну были типичными кочевниками, и в их культуре одновременно прослеживаются традиции скифского «звериного стиля» и более позднего тюркоязычного кочевнического мира [Грязнов, 1961].

¹¹ Речь идет о Центральной Азии, под которой понимается район внутренней части азиатского материка, ограниченный горными системами Алтая (север), Тибета (юг), Памира (запад) и Хингана (восток). В цивилизационном плане под «Центральной Азией» следует понимать не просто географическое понятие, а историко-культурный феномен, один из древнейших очагов цивилизации [Решетов, 1987; Latimore, 1962. P. 21, 61–63].

⁷ Отсюда и деление цивилизации на геополитическое «ядро» и культурную «периферию» [Пиков, 2009а. С. 9].

Крюков, 1976] племена ухуань и сяньби (появились после разгрома конгломерата дунху), хотя и были кочевниками, еще не вышли на уровень имперской организации. Правда, сяньби во II в. н. э. смогли контролировать обширную территорию («на юге она доходила до границ Хань, на севере – до динлинов, на востоке – до фууй, на западе – до усуней»), но необходимости имперской конструкции здесь не было. Если будущая «Монголия» еще не «созрела» для империи, то Центральная Азия в результате Переселения народов стала своего рода «проходным двором» и волны племен породили здесь лишь множественные кратковременные и региональные образования.

Сказался, видимо, и такой фактор, как хаотичное этнополитическое развитие Евразии в первые века нашей эры. В Европе наступили «темные века», когда усиливается натиск «варваров» на Римскую империю и возникают «варварские королевства». На Ближнем и Среднем Востоке положение начнет меняться лишь с возникновением Византийской империи и Сасанидского государства, которые, правда, будут находиться в достаточно жесткой конфронтации друг с другом вплоть до арабских завоеваний. В Восточной Азии после падения Ханьской империи начнется период Троецарствия (Саньго). Усилились брожения в Кочевой степи, в которые активно вмешивался и Китай. С кризисом раньше справились оседлые цивилизации.

Возможно, на судьбу кочевых империй повлияли и природные циклы [Гумилев, 1994. С. 12, 13], по крайней мере, любопытен сам факт практически тысячелетнего перерыва между двумя крупнейшими и влиятельными имперскими образованиями – Хунну на западе и Ляо на востоке.

«Кочевая империя» – восточно-азиатский феномен. Она не могла появиться в других районах Евразии. В классическом виде империи существуют на обоих полюсах Евразии – в Европе и Китае. В обоих случаях при всех естественных различиях проглядывается общая конструкция – центральная территория, где впервые появляется «истина» (Римская империя, Хань), и «варварская» периферия, постепенно принимающая цивилизационную парадигму. Естественно, что «варвары» вместе с «мировой» религией перенимают и идею «империи». Нужно учитывать, что Европа с «чистыми» кочевника-

ми имела дело только изредка (скифы в древнегреческой истории, гунны, монголы) и вблизи нее не было возможности вести классическое кочевое хозяйство. Европейцы были знакомы преимущественно с номадами, т. е. народами, которые вели присваивающее хозяйство. По этой причине «*translatio imperii romanorum*» («возрождение римской империи») происходило здесь после гибели Западной Римской империи и было в той или иной мере воспроизведением классической модели, на Дальнем же Востоке «*translatio imperii sinicorum*» («возрождение китайской империи») проходило при «живой» китайской империи, на Западе внутри оседлого мира, а здесь – за его пределами¹². Вдобавок на территории кочевников была особая экономическая и этническая ситуация, где «классическая» империя просто не могла существовать.

На основной части Азии (от Гималаев до Средиземного моря) сложилась «кустовая» система халифата, когда различные культуры (сирийская, коптская, иранская, североафриканская и др.) располагались скорее «по горизонтали», чем «по вертикали». Кочевники здесь представлены в основном тюрками, которые фактически находились на стадии формирования ранних военных государств в отличие от «арабов», у которых халифат представлял собой форму монархической теократии. Основной тенденцией здесь является не столько создание своих собственных государств в кочевой зоне, сколько проникновение в оседлые районы.

Кочевая империя как восточно-азиатский феномен появляется на таком этапе развития кочевой цивилизации, когда она, впрочем, как и другие евразийские «миры», достигла предела своего внутреннего развития. Все земли были поделены, а рост населения принял характер демографического взрыва. Начало II тыс. – противостояние различных миров, в том числе и кочевников и оседлых народов. Цивилизации достигают апогея своего развития, их парадигмы складываются окончательно, и соответственно обостряется и культурное противостояние «миров». Активизируется информационное давление цивилизаций друг на друга (интервенция

¹² Западные кидани вообще понесут эту идею в кочевой тюркский мир. Си Ляо – фактически еще одна трансляция.

исламской культуры в Европу, проникновение католиков в славянские земли, миссионерское движение, появление энциклопедических трудов о Востоке Г. Рубрука, П. Карпини, М. Поло, формирование кочевых государств с опорой на китайскую модель). Можно сказать, что начинается период «религиозных войн» (примерно XI–XV вв.). «Миры» не могут больше распространять свои «истины» так, как это некогда делали апостолы, проповедью, и происходит широкое распространение миссионерского движения. Миссионеры должны не столько знакомить с «истиной» представителей других цивилизаций, сколько бороться с чужими идеями. Идеи «евангелия» («благой вести») и «джихада» становятся идеологическим обоснованием территориальной экспансии. «Религиозные войны» (Крестовые походы, Реконкиста, исполнение воли Неба Чингисханом) как никогда беспощадны и фанатичны.

Это было время, когда во всех цивилизациях достаточно четко оформляются геополитические «ядра», ибо остро начинает ощущаться нехватка земель и растет количество междоусобиц, усиливается милитаризация общества и «миры» начинают активно использовать внешнеполитическую экспансию с целью решения, прежде всего, этих внутренних проблем. Практика набегов, получения дани и «подарков», «прибывания щитов к воротам Царьграда» сменяется на планомерный захват земель (Крестовые походы, «натиск на восток», Реконкиста, завоевание Англии, экспансия киданей, чжурчжэней и монголов). Начинается, по сути, эра завоеваний-переселений. Это и есть время существования классических евразийских империй.

Зона обитания восточно-азиатских кочевников фактически выделяется в глубокой древности как особая фронтальная территория взаимодействия и конвергенции восточно-азиатской и кочевой цивилизаций. Об этом говорят многие китайские тексты. Достаточно сослаться на «Цидань го чжи», которая в основу историософии помимо прочих кладет и географический фактор, утверждая, что «климатические и природные условия отделили юг от севера» [Е Лунли, 1979]. В то же время эта территория по своим географическим характеристикам и образу жизни людей отделяется и от территории Восточной Сибири [Решетов, 1987.

С. 127–136]. Китайские исторические и географические тексты, начиная с глубокой древности, описывают ее как территорию «варваров» и подробно рассказывают об образовании различных химерических союзов, «инородческих» по происхождению и этническому составу, но стремящихся оспорить «срединное положение» Китая. Именно здесь создавались все классические кочевые империи.

В хозяйственно-экономическом отношении эта территория может быть отнесена к так называемым маргинальным районам, где возможны оба неразрывно связанных с историей кочевых обществ процесса – седентаризации и номадизации. В источниках говорится и о широком распространении земледелия, шелководства, виноградарства, различных ремесел и особо важной роли скотоводства. С глубокой древности это была зона контактов различных цивилизационных потоков. В этом плане ее можно рассматривать как историко-культурный феномен, один из древнейших очагов цивилизации. Если в оседлых районах объединялись культуры, опиравшиеся на древние письменные традиции, то здесь происходило объединение бесписьменных культур, базировавшихся, прежде всего, на устных традициях.

Зона состояла из двух тесно связанных друг с другом территорий, занятых тюркскими и монгольскими племенами, и располагавшихся от Трансокеании на западе до российского Приморья на востоке. Это была зона необычайно активного этнического смешения, поэтому-то проблемы происхождения восточно-азиатских народов трудно решать до сих пор. Естественно, что она стала и «перекрестьем религий», т. е. зоной религиозного синкретизма. Здесь сосуществовали и причудливо переплетались элементы самых различных религиозных верований (несторианство, буддизм Махаяны, манихейство, тенгриизм, конфуцианство, ислам), и этот информационно-культурный хаос был одним из наиболее важных факторов, затруднявших складывание долговременной государственности.

Формирование данной зоны шло в несколько этапов. Еще в «древности» здесь наблюдаются такие естественные процессы, как демографический рост, усложнение социальной структуры и трансформация этнических массивов из союза кровно-родствен-

ных объединений в этнополитические конгломераты. Помимо стремительной конвергенции множества субкультур отдельных родов и присоединенных племен, начинается достаточно осознанный процесс искусственного строительства новых культур с ориентацией на китайский образец. Однако в результате появляется два серьезных фактора, которые вступают во взаимное противоречие внутри самой зоны. Во-первых, в новой социально-политической ситуации встретились и вынуждены были вести совместную жизнь разделенные ранее в соответствии с природно-климатической дихотомией северной и южной половин Китая носители разных культур – оседлой и кочевой. Во-вторых, усиливается синизация социальных верхов кочевых обществ. Естественным следствием этого явилось то, что традиционные ценности и формы культуры отходят на задний план и в текстах того времени практически не отражаются. «Ученая» культура ориентируется на строительство нового «мира», и подавляющее большинство населения формирующихся государств становится «безмолвствующим». К тому же в этой фронтальной зоне незавершенность перехода от концепций, связанных с военным и политическим преобладанием над окружающим миром, к имперскому миропониманию значительно ослабляла племенное сообщество не столько перед лицом китайской опасности, сколько опасности со стороны кочевого мира.

Определенную роль в складывании «жизненного пространства» кочевых империй сыграла политика китайских империй. Некоторые кочевые народы (начиная, как минимум, с хунну) уже в последние века до нашей эры устанавливали с Китаем постоянные контакты и получали оттуда такие продукты земледельческого производства и ремесла, как зерно, ткани, лаковые изделия и пр. Взамен Китай получал своего рода буферную зону из «мирных» варваров (такие зоны есть у всех евразийских «миров»), и этническое лицо ее постепенно стали представлять не какие-то отдельные роды и племена, а формирующиеся путем смешивания, подчас искусственного, новые этносы как конгломераты племен. Так появляются хунну, кидани, монголы. Большинство этих племен (сяньби, хунну, цяны, ди, динлины) имели политические и культурные контакты с китайцами еще в эпоху империй Цинь и

Хань, но в миграционный поток были вовлечены и другие этнические группы, ранее не имевшие прямых контактов с китайским населением. Для Китая основной целью таких мероприятий было использование их для защиты приграничных областей от нападений извне.

Таким образом, создавалась этногенетическая основа для имперского населения в будущем. Нужно учитывать и то, что пришельцы активно постигали культурный и политический опыт китайских империй. В Европе классические империи (Каролингская, Священная Римская) тоже возникли в некогда буферной зоне, где впоследствии активно шла «христианизация». Здесь же активно распространялись китайская культура и конфуцианство и, можно сказать, существовала «школа по созданию империй», где у китайских учителей были весьма прилежные ученики.

Особую роль в оформлении зоны сыграли три великие империи – киданьская, чжурчжэньская и монгольская, которые, насколько это было возможным, нивелировали культурно-религиозные различия оседлых и кочевых народов. Это было время складывания уникальной в истории Восточной Азии ситуации «ди го» – двоецарствия¹³. Рядом с древним, исконно китайским «миром», складывается новый. Первый киданьский император Елюй Абаоци («объединил все тридцать шесть иноземных народов») [Кычанов, 1966. С. 272]. В этом районе сложилась аналогичная китайской модель «цивилизация – варвары», где в качестве культурного центра выступала именно новая империя¹⁴. Она создала свой «мир», став «коренным государством» («бень-го») для своих соседей и заняла особое место в восточно-азиатском метарегионе, ибо постепенно кидани начали строить свой «мир» как «тянься» («поднебесный»), занимающий срединное, т. е. универсальное, связующее положение в общей трехчастной схеме миропорядка – «сань цай» (Небо, Человек, Земля), и пытались играть роль

¹³ По «Сун шу», «Срединная столица утратила единовластие» (цз. 95), тогда как одной из базовых идей китайской идеологии было: «На небе нет двух солнц, на земле нет двух правителей».

¹⁴ Не случайно кидани продолжают сохранять термин «цидань», что, как и в китайской культуре («цинью», «ханью»), свидетельствует о совпадении в их сознании понятий «культурный» и «киданьский».

«чжунго» («срединного государства») вместо Китая для остальных кочевых народов как четырехчастной периферии («сы и») и даже в идеале всей ойкумены. Империя киданей стала своеобразным «наконечником копья», которое нацелила кочевая цивилизация в самое сердце Китая.

Можно сказать, что с киданей начинается формирование «северного» варианта «империи», и это найдет то или иное воплощение в империях Ляо, Цзинь, Юань и Цин. В итоге «историческими народами», т. е. народами, творящими историю, наравне с китайцами станут и северные народы (кидани, чжурчжэни, монголы, маньчжуры). И можно говорить о том, что кочевые империи занимали определенное место в истории противостояния двух тенденций «мироустройства» – кочевой и оседлой («южный» вариант): Ляо (Железная империя) – Цзинь (Золотая) – Юань (Небесная) – Цин (Чистая); Суй – Тан – Сун – Южная Сун – Мин.

«Цветная» линия полукочевых государственных образований находилась в перманентном конфликте с созвездием оседлых государств, делавших акцент на постоянном возвращении к «древним» традициям и паттернам. Со времени начала «осевого» цикла это был уже второй этап противостояния двух общественно-экономических систем. Первый связан с постепенным вытеснением индоевропейских номадов из зоны контактов с оседлыми народами, второй – тюркоязычных народов. Можно сказать, что этап, когда на авансцену выходит конгломерат монголоязычных и тунгусо-маньчжурских народов, начинается именно с киданей. Закончится же он разделом Россией и Китаем Центральной Азии на соответствующие сферы влияния в XVIII в.

В период существования государств киданей, чжурчжэней и кара-китаев медленно шли интеграция различных племенных объединений и окончательное оформление зоны, что, по сути, стало первой стадией вычленения будущей «Монголии». Еще в период Ляо (X–XII вв.) происходило дисперсное расселение киданей и подчиненных им племен на территорию Центральной и Средней Азии, где проживало обширное тюркоязычное и ираноязычное население [Викторова, 1980. С. 154]. Обоснованным представляется вывод, что «период господства киданей в Центральной Азии способствовал сближению оставшихся там тюрк-

ских племен с монгольскими и подготовил почву для формирования этих разнообразных племен в единую народность» [Там же. С. 155]. К XIII в. в сознании современников появилось и представление о двух «Китаях» (см. подробнее: [Пиков, 2007а; 2007б]. Второй частью этой зоны станет Восточный Туркестан, который начиная с глубокой древности был зоной контактов различных цивилизационных потоков [Исхаков, 1989. С. 89].

«Кочевые империи» Ляо, Си Ляо и Цзинь, объединяя контактную зону, стали своеобразным буфером между кочевыми и оседлыми народами. Неудивительно, что они проводили двойственную и «неискреннюю» политику с точки зрения обеих сторон.

Стоит обратить внимание и на то, что расцвет кочевых и оседлых империй происходит в одно и то же время, а именно в X–XIII вв. (Священная Римская империя в Европе, Македонская династия в Византии, империя Маджапахит на Яве, Сунская империя в Китае, кочевые империи Ляо, Цзинь и Юань). Уже поэтому их роль в истории явно не меньше, чем классических империй в оседлой зоне.

Период существования этих государств выделяется как специфический и иногда именуется «предмонгольским» в широком смысле этого слова. Действительно, есть основание в особом сгущении кросскультурных контактов увидеть прежде всего специфический этап развития евразийского сообщества народов в целом. Территория «цидань» начинает превращаться в «Монголию», и здесь формируется ряд ранних монгольско-тюркских государств. Именно тогда кидани стали рассматриваться как инициаторы последовательного захвата кочевниками Китая, проложившие дорогу чжурчжэням, монголам, а впоследствии и маньчжурам. Киданьскому обществу фактически окончательно присваивается статус милитаристского. В XX в. своеобразным итогом этого станет концепция «степных», «завоевательных» или «кочевых» империй, одной из которых, разумеется, будет считаться киданьская.

На рубеже тысячелетий, который все «миры» не случайно воспринимали как знаковую веху в своей собственной и всемирной истории, закончилось образование евразийских цивилизаций («миров») по широте и сложился окончательно так называемый

«пояс цивилизаций» от Атлантики до Тихого океана. Оформились «миры», которые условно можно назвать «материнскими» (христианский, мусульманский, буддийский, конфуцианский), что осуществлялось с помощью идеологической экспансии, путем распространения «истины» («идите и несите всей твари на земле истину»). Но средневековые цивилизации – это комплексные конструкции, в рамках их зарождения и эволюции обязательно идут два процесса: складывание не только общецивилизационной парадигмы на основе «мировой религии», но и оформление геополитической конструкции в форме «империи». Первоначальное распространение шло по освоенным ранее в рамках первых протомиров – «оазисов» пригодным землям за счет их объединения. Эти «материнские цивилизации» условно могут быть названы аграрными, ибо в них на первый план выходит земля как сфера применения земледелия.

Когда эти земли были освоены и возможности аграрного варианта развития фактически исчерпаны, складывается ситуация всестороннего общественного кризиса, из которого все «миры» пытаются выйти прежде всего традиционными путями – внутренним переделом владений и усилением внешней экспансии, идущей под религиозными лозунгами.

Вместо присущей «материнским» цивилизациям дихотомии «запад – восток» начинает оформляться дихотомия «север – юг». Расширение за счет соседних «миров» было практически невозможно, что показали конфликты между этими территориями (Крестовые походы, «Натиск на Восток», Реконкиста), и цивилизации идут в наступление на прежние «варварские» территории. Однако у «варваров» тоже фактически были исчерпаны прежние ресурсы развития, и они также нуждались в расширении своей зоны обитания. Ситуация перенаселения здесь обострялась в силу сохранения доцивилизационной комплексной экономики, в которой сочетались различные отрасли хозяйства. Война являлась обязательной составляющей этого комплекса. В этих условиях усиливаются натиск на юг викинги, славяне, турки. Особенно сложное, по сути, критическое положение сложилось в зоне кочевой цивилизации, контакты которой с оседлыми «мирами» минимизируются, ибо те все больше пользуются результатами торговых

обменов друг с другом и технического развития.

В результате оформляется взаимодействие всех цивилизационных зон по меридиональному варианту. Китай оттесняется со своих западных территорий (Средняя и Центральная Азия), увязает в борьбе с потомками хунну и дунху и практически уходит за Великую стену. Европейская восточная экспансия была остановлена еще в римские времена, когда продвижение империи было заблокировано в Месопотамии и на первый план вышли «галльские войны». Мощный прорыв был сделан первоначальным исламом в рамках Омейядского халифата, но мусульманский «мир», объединенный Багдадским халифатом, вплотную столкнулся с тюркской экспансией.

Именно в этой зоне сформировались образ кочевника-разрушителя и представление об особом менталитете и неумном воинственном духе кочевников, их пассионарности. Впоследствии образ кочевника как разрушителя культурных ценностей, делающего акцент в своей культуре не на «общечеловеческих» ценностях, а почти исключительно на культе силы, использовался и во вполне корыстных целях.

Усиление милитаризации общества, на самом деле, происходило не только у кочевников, но и в оседлых «мирах». Это связано, прежде всего, с тем, что все «миры» (цивилизации) в первой половине второго тысячелетия встали перед необходимостью бифуркации как скачка в иное политическое, социальное, экономическое и культурное состояние. И этот скачок будет происходить, но кочевники не могли это сделать, ибо достигли естественного предела своей цивилизации. Это был пик развития кочевой организации, максимум того, что она могла достигнуть. Ярким признаком этого является то, что кочевники переживают, как и все другие миры, недостаток территории (далее нет возможности расширяться и начинается «война миров») и начинают включать в свои крупные государственные образования оседлые земли.

Как любая империя, кочевая имеет свои исторические границы. Она начинает сходиться со сцены примерно в то же время, что и классические империи. Следовательно, здесь надо видеть не только региональные факторы, способствовавшие этому, но и причины, общие для всей Евразии.

Можно смело предполагать, что причины падения любой кочевой империи связаны со спецификой ее развития как имперского государства, а это значит, что надо видеть совокупность факторов.

Поскольку имперская система у кочевников есть непрерывный, сложный и противоречивый процесс трансформации родоплеменной системы, в ней самой изначально заложены возможность, опасность и даже неизбежность ее гибели. Это связано, во-первых, с тем, что входящие в империю отдельные районы получают небывалые доселе возможности роста и расцвета. Они исторически гораздо быстрее переходят на новый уровень развития, скажем, из племен становятся народностями, из народностей народами. Им не надо тратить силы, людские ресурсы и средства на оборону, на развитие самодостаточной, а значит, и автаркической, замкнутой экономики. Во-вторых, процесс трансформации подразумевает ломку прежних этнических, политических, социальных, экономических структур и определенное культурное «столпотворение». В итоге это означает, что империя становится уязвимой, колоссом на глиняных ногах и достаточно случайного, не очень сильного толчка, чтобы она распалась.

Китайские авторы традиционно рассматривали историю в категориях «расцвета и упадка» (шэн-шуай) империй. Западные и отечественные исследователи это тоже часто признают «внутренней логикой китайской истории» [Васильев, 1972]. Невольно вспоминается и концепция Ибн-Хальдуна (1332–1406) [Бациева, 1965; Игнатенко, 1980; Коротаяев, 2006. С. 67–78], в соответствии с которой кочевники создают асабийю (систему родственных групп с общими интересами), захватывают земледельцев, и эта асабийя становится «ксенотическим» государством (государством чужих), которое существует 3–4 поколения (около 120 лет). Первое поколение – захватчики, второе живет в цивилизации, т. е. в изнеженности и роскоши. Затем асабийя раскалывается, проявляется сепаратизм и в конечном итоге достается «держава не тем, кто ее создавал, а слава – не тем, кто ее добывал». Уже здесь проявляется такой деструктивный процесс, как «перепроизводство политической элиты» (рост в клане лидера числа претендующих на участие во власти) [Крадин, 2000. С. 333; Крадин, 2002а.

С. 224–231]. В третьем поколении увеличивается тяга к роскоши и начинается энтропия власти «пока не пропадет, подобно огню в светильнике, когда кончается масло и гаснет светильник».

Этих причин недостаточно для падения государства, но для его ослабления вполне достаточно. Реальная военная мощь все же будет существовать.

Решающую роль сыграют внешние факторы. Это, прежде всего, такой региональный фактор, как постепенное усиление монгольских и маньчжурских племен. Монголия выходит на уровень империи, и это сказалось непосредственно на судьбе Ляо и Цзинь. Но еще важнее был евразийский фактор, когда оседлые цивилизации должны были выйти на иной уровень развития. Кочевой мир как цивилизация должен был исчезнуть и спасти его было уже невозможно. Оставалась только безумная попытка сделать шаг *назад* и «отомстить» оседлым народам, что и сделал Чингис и тем самым окончательно погубил кочевую Степь. Тринадцатый век вообще стал несчастливим и для кочевников, которых «монгольский буря» разметал по земле [Сулейменов, 1975. С. 165].

Момент был удачным, удар сильным, но одного военного удара оказалось мало. «Сила» уступила «слову», и кочевники стали отходить под натиском оседлых миров, территории их обитания стали превращаться в резервации. Это было вполне логично. Если развитая земледельческая территория пытается зону номадной или кочевой экономики сделать своей периферией («колонией»), то кочевые империи делают наоборот. Обе зоны нуждаются друг в друге. Перспектива – за оседлым вариантом, ибо кочевой вариант запрограммирован на хозяйственную экспансию, и здесь не может быть перехода на торгово-промышленный и научно-технический вариант, который станет доминирующим на планете во второй половине второго тысячелетия.

И все же необходимость существования кочевой скотоводческой экономики сохранялась, ибо еще оставались массы пригодных лишь для нее земель и людей, задействованных в ней, но оседлый мир перешел в наступление, активно используя огнестрельное оружие, мировые религии, нетипичные формы идеологии. Кочевники не нужны уже оседлым обществам в той мере,

что раньше. У жителей оседлых районов снижается потребность в кочевых продуктах. Налаживаются свои коммуникации, расширяется торговля по океану. Необходимые продукты и рынки сбыта можно было найти в любой точке планеты. В оседлых обществах идет сложная работа с собственной системой ценностей в целях их приспособления к новым реалиям, меняется отношение к христианству и исламу (уходят средневековые варианты этих религий). У кочевников отношение к своей религии и прочим мировым религиям измениться не может в принципе – протестантизм не для них.

Сами же кочевники изменились – как и американские индейцы, они неумолимо опускались на самый низ социальной лестницы. Деградация способствовало и то, что в зоны их проживания начинают активно проникать представители оседлых обществ, но уже не с целью налаживания контактов с ними и помощи в развитии ремесел и торговли, а прежде всего наживы. Это характерно для всех цивилизаций, но особенно для европейцев, причем обыкновенно первыми носителями «цивилизации» являются не лучшие, а скорее худшие ее элементы. Это хорошо известно на примере «культуртрегерской» деятельности англичан в южной Африке, однако постепенно такие люди появляются и в центре Азии. Эта паразитическая цивилизация деформирует кочевые ценности сильнее христианства или иной идеологии. Губительное действие, несомненно, оказывают спирт, сифилис, оспа, дизентерия и другие болезни, а также истребительные войны с белыми, вооруженными усовершенствованным оружием. Кочевники не в состоянии вести масштабные войны с оседлыми мирами и оказались способны лишь на партизанскую войну (афганские войны с англичанами, русскими, американцами).

Однако именно по этим «поздним кочевникам» исследователи часто судили об уровне развития кочевников средневековых. Это можно признать одной из методологических ошибок, хотя все еще практически господствующей не только в специальной литературе, но и в сознании людей. Действительно, кочевники последних четырех веков не строили городов, не владели металлообработкой, не знали рынка и денег и занимались земледелием лишь в наиболее простых и примитивных формах. Однако

уровень материальной культуры классических кочевников был, по меньшей мере, качественно сопоставим с уровнем современных им «классических» цивилизаций Запада и Востока.

Исчезновение кочевых империй и конец «господства варваров» для оседлого восточно-азиатского мира будут означать конец «средневековья». Такое восприятие появится уже в эпоху Мин, когда патристически настроенные китайские историки стали считать, что именно национально-освободительная борьба привела к разгрому «варваров». Окончательно этот подход обладает в республиканском Китае.

Кочевники больше нуждаются в продуктах земледелия, чем оседлые народы в продуктах кочевого хозяйства. Поэтому оседлые страны стараются отгородиться «китайскими стенами» и «римскими валами» и тем самым свести контакты на уровень лишь торговых. Только в классическое средневековье, когда наблюдается дефицит земли, начинается наступление не только на соседние миры, но и на свою собственную периферию. В Европе это будет проходить в форме борьбы с «язычеством» и «варварством», начнется «Возрождение» как отрицание «варварства» и «средневековья». Новая цивилизация начнет разрабатывать новую культурную парадигму, связанную с переосмыслением идей Христа и активным использованием греко-римской культуры с акцентом на законе и индивидуализме. Начнется период «модернизации».

В Восточной Азии сложилась другая ситуация. Здесь налицо цивилизационная какофония за счет сосуществования трех государств, сначала Сун, Ляо и Ся, а потом Цзинь, Южная Сун и Ся. В этой ситуации информационного хаоса монголы предложили киданьский вариант *новой династии*. Однако в этой монгольской династии был излишний акцент на внешнеполитической экспансии. Непротиворечивый синтез Великой Степи и Китая был к тому же невозможен. Это были самостоятельные и различные цивилизации с различными историческими, культурными и политическими традициями. Завоевания монголов привели к борьбе миров.

В Цинской империи отношение к кочевым империям было более сложным. Им оказался необходим их опыт, но не экономики, а именно политического строительст-

ва. Кочевая цивилизация уже умерла, и бывшие кочевники находились на более высокой стадии привязанности к оседлым районам, да и самой новой империи в экономическом плане прежние кочевые территории нужны для поддержки земледелия, расселения излишков населения. Именно по этой причине опыт кочевых империй долго еще высоко котируется среди ранних маньчжур¹⁵.

Можно выделить три стадии развития кочевой империи. На первой осуществлялась этнополитическая организация пространства. Идет процесс налаживания этнических и политических связей. Собственно социокультурное оформление начинается уже на следующей стадии. Земледельческие области долго были оазисами среди тайги, болот, степей и гор, однако постепенно создавалась такая ситуация, когда уже кочевые районы оказались замкнутым пространством. Но степи бескрайны, всегда текут как реки среди гор и долин, и скотоводство требует постоянной динамики и широкого пространства, ибо земля быстро истощается, а ее культивировать искусственно невозможно. Это приводит к осложнению отношений кочевников и оседлых жителей, а в итоге и к третьей стадии, когда кочевники пытаются выйти за пределы тех загонов, в которых оказались. «Китайские стены» как плотины не давали течь степным «рекам».

Эти три стадии развития кочевой империи представлены в Восточной Азии хуннуской, киданьской, чжурчжэньской и монгольской империями. Это именно три стадии, а не три варианта империй. Нельзя сопоставлять их как варианты, добавляя сюда еще и иные кочевые государственные образования, поскольку время существования даже этих трех государств почти пятьсот лет. Стремление рассматривать этатические

конструкции в статике простительно для социологии, но в истории просто неприемлемо.

Именно история киданьского государства как типичной кочевой империей [Пиков, 2002б; 2003; 2005а. С. 57–58] в определенном смысле есть апогей развития кочевой традиции на востоке Азии, когда бывшие кочевники максимально отказываются от тактики набегов и грабежей и пытаются построить свой «мир», но эта модель принципиально будет отличаться от китайской или римской именно тем, что здесь в качестве периферии выступают не номады или кочевники только, но и оседлые китайцы. Данный опыт киданей в той или иной мере будет изучаться всеми последующими завоевателями Китая, но там этнополитическая ситуация будет отличаться от киданьской. Ляо своего рода идеальное государство и ей подражали, но безуспешно, ибо консенсус с оседлыми мирами уже недостижим. Если кидани начинали создавать баланс кочевых и оседлых районов, лавируя между ними, то чжурчжэни и монголы в большей степени склонялись к их иерархии и в результате в «угнетении» оказывались, прежде всего, оседлые народы. Ляо смогло просуществовать более двух столетий, что само по себе стало рекордом в истории Восточной Азии. Развивавшие этот алгоритм чжурчжэни продержались столетие с небольшим, монголы фактически и того менее.

Империя как форма организации пространства с переходом на индустриальный уровень уступает место национальному государству. Раньше всего это произошло в Европе, на востоке Азии задержалось по разного рода причинам до XX в. Попытки «брачного союза» кочевых и оседлых районов в рамках кочевых империй оказались бесполезны, настолько разными были не только экономические ситуации в двух мирах, но и их культура.

Но существование кочевой цивилизации имело и свои последствия – ее «дети» «поженились» с «детьми» оседлых обществ. Там, где этот «брак» не был мезальянсом, можно говорить об особенно удачных феноменах – Турции, России, Китае, Казахстане. Именно эти государства максимально полно использовали опыт общения с кочевниками. Разумеется, были и другие феноме-

¹⁵ Речь идет о грандиозном маньчжурском проекте по переводу летописей империй Ляо, Цзинь и Юань. В 1646 г. в Пекине был опубликован, в частности, перевод «Ляо ши». В переводе были выпущены «непригодные места», возвеличены «все удачи добрых дел» и рассмотрены «неудачи злых дел». Налицо сознательная фильтрация текста и использование только того материала, который был пригоден для нужд государственного строительства. Можно говорить о том, что акцент был сделан на Ляо как могущественной империи, умело управлявшей подвластными китацами [Тюрюмина, 1969; Ларичев и др., 2002. С. 103; 2005. С. 93].

ны – США, Япония, а значит, надо говорить о многовариантности развития человечества.

Список литературы

Барфильд Т. Мир кочевников-скотоводов // Кочевая альтернатива социальной эволюции. М., 2002.

Бациева С. М. Историко-социологический трактат Ибн Халдуна «Мукаддима». М., 1965.

Васильев Л. С. Традиция и проблема социального прогресса в истории Китая // Роль традиции в истории и культуре Китая. М., 1972.

Васютин С. А. Типология постарших и политарных систем кочевников // Кочевая альтернатива социальной эволюции. М., 2002.

Викторова Л. Л. Народы МНР. Исторический очерк // Народы Восточной Азии. М.; Л., 1965.

Викторова Л. Л. Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. М., 1980.

Грязнов М. П. Древнейшие памятники героического эпоса народов Южной Сибири. Археологический сборник. Л., 1961. Вып. 3.

Гумилев Л. Н. Хунну. М., 1990.

Гумилев Л. Н. Хунны в Китае. М., 1994.

Е Лун-ли. История государства киданей (Цидань го чжи) / Пер. с кит., введ., коммент. и прил. В. С. Таскина. М., 1979.

Игнатенко А. А. Ибн-Хальдун. М., 1980.

Исхаков Г. М. Восточный Туркестан в системе цивилизаций Востока и Запада // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата, 1989. Т. 1.

Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи Евразии. СПб., 1994.

Коротаев А. В. Долгосрочная политико-демографическая динамика Египта. Циклы и тенденции. М., 2006. С. 67–78 (Приложение 1: Теория политико-демографических циклов Абд ар-Рахмана Ибн Халдуна в его собственном изложении).

Крадин Н. Н. Кочевники, мир-империи и социальная эволюция // Альтернативные пути к цивилизации. М., 2000.

Крадин Н. Н. Империя Хунну. М., 2002а.

Крадин Н. Н. Структура власти в кочевых империях // Кочевая альтернатива социальной эволюции. М., 2002б.

Крюков М. В. Эволюция этнического самосознания и проблема этногенеза // Расы и народы. 1976. Вып. 6.

Кычанов Е. И. Чжурчжэни в XI в. Материалы для этнографического исследования // Материалы по истории Сибири. Древняя Сибирь. Новосибирск, 1966. Вып. 2: Сибирский археологический сборник.

Кычанов Е. И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М., 1997.

Ларичев В. Е., Пиков Г. Г., Тюрюмина Л. В. Юаньский проект // Гуманитарные науки в Сибири. 2005. № 4. С. 93–97.

Ларичев В. Е., Пиков Г. Г., Тюрюмина Л. В. Киданьский проект // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. «Филология». 2002. № 4. С. 102–106.

Пиков Г. Г. Исторические термины и историческая действительность (Империя как феномен европейской истории) // Гуманитарное образование в Сибири. Новосибирск, 2000. С. 103–121.

Пиков Г. Г. Киданьское государство Ляо как кочевая империя // Кочевая альтернатива социальной эволюции. М., 2002а. С. 190–203.

Пиков Г. Г. Специфика кочевой империи (на примере киданьского государства Ляо) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2002б. Т. 1, вып. 2: Востоковедение. С. 18–30.

Пиков Г. Г. Специфика государственного устройства киданьских государств (Ляо и Си Ляо) // История и социология государства. Новосибирск, 2003.

Пиков Г. Г. Безмолвствующая культура киданей // Altaica X: Сб. ст. и материалов. М., 2005а.

Пиков Г. Г. О специфике изучения средневековых культур (на материале культуры киданей) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2005б. Т. 4, вып. 1: История. С. 57–71.

Пиков Г. Г. Из истории названия «Китай» // Чингисхан и судьбы народов Евразии – 2: Материалы междунар. науч. конф. Улан-Удэ, 2007а. С. 111–123.

Пиков Г. Г. Между Западом и Востоком. Судьба киданьского анклава в Средней Азии // Медиевистика XXI века: проблемы методологии и преподавания. Кемерово, 2007б. Вып. 3: Запад и Восток: власть, социум, ментальность, особенности исторического развития. С. 218–254.

Пиков Г. Г. К вопросу о терминах, применяемых и применимых к средневековой истории // Политическая культура в истории Германии и России. Кемерово, 2009а. С. 190–217.

Пиков Г. Г. О «кочевой цивилизации» и «кочевой империи». Статья первая: «кочевая цивилизация» // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2009б. Т. 8, вып. 1: История. С. 4–10.

Плетнева С. А. Кочевники средневековья. Поиски исторических закономерностей. М., 1982.

Решетов А. М. Центральная Азия как историко-этнографическая область // V Междунар. конгресс монголоведов (Улан-Батор, сентябрь, 1987). Доклады советской делегации. М., 1987. Т. 3.

Сулейменов О. АЗ и Я. Книга благонамеренного читателя. Алма-Ата, 1975.

Суровцов М. Н. О владычестве киданей в Средней Азии // История Железной империи. Новосибирск, 2007.

Тюрюмина Л. В. К истории создания маньчжурского перевода «Ляо ши», «Цзинь ши» и «Юань ши» // Материалы конференции «Этногенез народов Северной Азии». Новосибирск, 1969. Вып. 1.

Di Cosmo N. Ancient China and its Enemies: The Rise of Nomadic Power in East Asian History. Cambridge, 2002.

Lattimore O. Inner Asian Frontiers of China. Boston, 1962.

Ligeti L. Most de civilization de Haute Asie en transcription chinoise // Acta Orientalia. 1950. P. 141–149.

Ramstedt M. G. S. Uber der Ursprung der turkischen Sprache. Helsinki, 1937.

Материал поступил в редколлегию 25.08.2009

G. G. Pikov

**ABOUT «A NOMADIC CIVILISATION» AND «NOMADIC EMPIRE»
SECOND ARTICLE: «THE NOMADIC EMPIRE»**

In article the analysis of concept «a nomadic empire» and a number of signs of a nomadic empire is presented. Besides it the author is offered attempt to define it's place not only in ethnopolitical but also a cultural history of Eurasia. Nomadic empires are considered as the East Asian phenomenon and a sign of the highest stage of development of a nomadic civilisation.

Keywords: «civilization», «empire», «a nomadic civilisation», «nomadic empire», a paradigm.